

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О НАРУШЕНИИ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВИЛ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Е.А. Чудаева, магистрант

Научный руководитель: А.В. Беляков, канд. юрид. наук, доцент

Самарский государственный экономический университет

(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-6-4-191-195

Аннотация. В данной статье проводится историко-правовой анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил и норм. Приводятся примеры нормативно-правовых актов и конкретных статей, содержащих признаки рассматриваемого преступления, в дореволюционной России.

Ключевые слова: санитарно-эпидемиологические правила, уголовная ответственность, дореволюционное законодательство, историко-правовой анализ.

Конкретный исторический этап характеризуется своими особенностями развития российской государственности и законодательства, своеобразием экономических и социальных условий, существовавших в определенный период времени. Анализ историко-правового содержания уголовно-правовой нормы позволяет выявить ее социальную значимость, определить характерные черты развития законодательной практики в определенной сфере.

Екатерина II в законодательном акте от 08.04.1782 поименованном «Устав благочиния» впервые криминализовала нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Так, были введены преступные деяния, именуемые как «продажа испорченного припаса пропитания» и «разнос заразы», и входившие в группу преступлений, носивших название «преступления против общественного здоровья» [1]. Наказания за названные преступления содержали лишь общую норму: «имать под стражу и отослать к суду, где поступать с ним, как в законе написано» [1]. Данный нормативно-правовой акт также не содержит и признаков состава преступления, необходимых для квалификации деяния. Однако, в Проекте «Уголовного уложения» [2], работа над которым велась в 1777-1782 гг., присутствуют две статьи, описывающие состав рассматриваемых преступлений. Так, ст. 36 преду-

смотрена ответственность за разнос заразы. Объективная сторона состава преступления подробно описывала общественно-опасное деяние. Таковым признавалось: принос или привоз вещей из зараженного места в здоровый дом или другие места, появление в зараженном доме или других местах. А также содержала общественно-опасное последствие – заражение человека. Субъектом преступления признавался как зараженный человек, так и контактировавший с ним или находившийся в зараженном месте. Кроме того, статьей был определен перечень общественно-опасных заболеваний, распространение которых влекло уголовную ответственность: язва, иная заразительная болезнь, иная прилипчивая болезнь.

По ст. 37 Проекта «Уголовного уложения» ответственность наступала в случае продажи испорченных продуктов питания. Субъектом преступления являлся продавец. Статья содержала также примерный перечень продуктов, включавший в себя жито, скотину, рыбу, мясо и некоторые другие продукты. Законодательно определялась и степень испорченности продуктов, в частности, к таким относились продукты испортившиеся, гнилые, от большой или испорченной скотины, поддельные и так далее.

Важным законодательным актом в рассматриваемом вопросе является Устав о

карантинах от 01.01.1833 [3]. Рассматриваемый нормативно-правовой акт устанавливал порядок действия карантинных учреждений, порядок приема и увольнения сотрудников карантинных управлений, определял перечень противоэпидемиологических мер на сухопутных и морских границах, содержал положение о карантинной страже. Наиболее интересной в рамках исследуемой темы представляется глава IX данного Устава «О карантинных преступлениях, наказания за оные, и о порядке следствия и суда», содержащая группу норм, предусматривающих ответственность за распространение инфекционных заболеваний, представляющих особую опасность для здоровья населения. Глава поделена на отделения, а так же содержит деление на разряды преступлений. Важность и строгость наказания, согласно § 363, следовало определять, исходя из состояния больного в момент совершения преступления, а также от реального вреда, причиненного преступлением либо из возможного вреда. Таким образом, § 363 содержит общественно-опасные последствия, определенные для преступлений, входящих в данное отделение, а также указывает на факультативный признак объективной стороны преступления – обстановку «опасность чумного состояния, при котором совершено преступление».

Все преступления, отнесенные к группе «карантинных» и содержащиеся в первом отделении, подразделялись на 4 разряда (§ 364).

§ 365 описывает преступления, наказанием за которые являлась смертная казнь. Данные преступления квалифицировались как преступления первого разряда. К числу таковых законодателем отнесены: «1) смертоубийство, сопротивление с открытой силою, насильственными мерами, или возмущение против предохранительных распоряжений начальства; 2) насилие, причиненное карантинной страже с намерением прорваться через карантинную черту, а равно и за самовольный вход в карантинный порт судна, не остановившегося по требованиям брандвахты, если впрочем сие не последовало от особенных важных причин, как то: бури и преследо-

вания не приятелей и тому подобных случаев, коих начальник судна или шкипер и экипаж были не в состоянии предотвратить; 3) умышленное зажигательство карантинных заведений и оцепленных домов; 4) лихоимство карантинных чиновников, сопряженное с нарушением устава, хотя оно и не имело никаких опасных последствий; 5) кража во время чумы из домов, находящихся в оцеплении и выморочных; 6) непредставление к отчистке вещей, оставшихся после умерших от заразы» [3] и некоторые другие.

Совершение преступлений второго разряда предусматривало ответственность в виде применения телесных наказаний, а также ссылку в Сибирь на поселение. К преступлениям второго разряда, предусмотренным § 366, относились: «1) нарушение карантинных правил и мер предосторожности во время нахождения в карантинной черте судов, людей, животных и вещей, очищаемых по одному только сомнению; 2) сокрытие больных чумой, и тайный вынос умерших на улицу» [3] и некоторые другие.

В третий разряд преступлений, определенный § 367, входили следующие виды противоправных деяний: «1) слабость надзора и беспорядки, от коих последовало только замешательство в сроках между людьми, карантинное очищение выдерживаемыми; 2) дозволение себе лицами, под карантинным надзором состоящими, иметь тайное сообщение внутри карантинной черты; 3) необъявление в свое время, кому следовало, о заболевших в местах, подвигнутых оцеплению; 4) торговля поношенными платьями или тряпьем, после сделанного о сем запрещения» [3]. В рассматриваемом параграфе ответственность дифференцировалась в зависимости от занимаемой должности: 1) в отношении карантинных чиновников санкция статьи предусматривала наказание в виде отрешения от должности и шестимесячное содержание под арестом; 2) «неслужащие» могли понести наказание в виде шестимесячного ареста; 3) нижние карантинные чины и люди низших званий наказывались шпицрутеном, с отдачей в солдаты или, по негодности к военной службе, с отсылкой

на поселение. Также статья предусматривала индивидуализацию наказания в зависимости от самого общественно-опасного деяния и личности преступника. Так, в отношении лиц, уличенных в совершении деяния, предусмотренного п. 4 преступлений третьего разряда, и «изъятых» от телесного наказания, предусматривалась мера ответственности в виде лишения всех прав с последующей ссылкой в Сибирь на поселение. Таким образом, в § 367 субъект признавался специальным.

Преступлениями четвертого разряда признавались следующие деяния: «1) сообщение внутри карантина или карантинного порта людей, разные сроки очищения выдерживающих; 2) вход извне карантина во внутреннюю часть оного, или на карантинное судно, без позволения начальства; 3) прикосновение лица, впущенного в карантин с позволения начальства, к лицам или к вещам сомнительным, и другие подобные сим отступления от наставлений, служащих к предохранению заразы; 4) все маловажные карантинные преступления, совершенные в то время, когда в карантинной черте не было ни зараженных, ни очищенных вещей, судов, животных и людей» [3]. Согласно § 368 за совершение действий, перечисленных выше, предусматривалось наказание в виде штрафа от 10 до 100 рублей, арест с содержанием на хлебе и воде, телесные наказания, привлечение к работам в карантинной черте или к работе подобного характера.

Подводя итог, следует отметить, что стиль построения уголовно-правовой нормы существенно отличается от современного, так общественно-опасные последствия определены для всех преступлений отделения I в § 363. Последствия преступления представлены как реальный вред, а также как создание угрозы распространения инфекционного заболевания. Следовательно, составы преступлений в Уставе о карантинах 1833 года по моменту окончания сконструированы как материальные составы и составы создания угрозы.

Следующим законодательным актом, содержащим ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических пра-

вил и распространение инфекционных заболеваний, является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [4]. Так, в указанном нормативно правовом акте определялись три отделения.

Отделение первое во многом являлось новой редакцией Уставов карантинных 1833 года, и было поименно как «О нарушениях Уставов Карантинных». Составы преступлений, содержащиеся в Уставе о карантинах, были сохранены. Однако, исключение параграфов и использование постатейного метода изложения привели к перегруппировке общественно-опасных деяний, ранее входивших в один параграф, в одну или несколько статей.

Так ст. 1007 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных полностью повторяет первые три пункта § 365 Устава о карантинах. Однако, санкции уголовно-правовых норм не являются идентичными – в рассматриваемый правовой акт было добавлено наказание в виде лишения всех прав и состояний.

Санкцией ст. 1011 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных было предусмотрено наказание в виде лишения всех прав и состояний и смертная казнь в отношении лица, которое «избегая карантинного очищения, тайно пройдет каким бы то ни было образом мимо карантинных и карантинной стражи и в следствии того вступит сам, или же проведет или провезет людей, животных или вещи, очищению подлежащие, без оного в места благополучные, ... , если он или корабль или транспорт его вышли из места, где свирепствует чума» [4]. В случае, совершения тех же действий, но при разных санитарно-эпидемиологических режимах, установленных в месте, из которого следовало лицо, изменяется и вид наказания. Таким образом, квалификация деяния осуществляется по средствам признака объективной стороны – обстановки. Так, «если он или корабль или транспорт его вышли из сомнительного места», то виновное лицо подвергалось наказанию в виде «лишения всех прав состояния и ссылки на каторжную работу на заводах сроком от шести до восьми лет, а будь он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетью

через палачей в мере, определенной ст. 21 Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейма» [4]. Так, если к виновному лицу были применимы телесные наказания, то они так же применялись совместно с таким видом наказания как лишение всех прав состояния и ссылка. Например, наказание такого рода могло быть применено в отношении лиц, следующих из «мест благополучных», но возможно имевших контакт с «зачумленными или сомнительными». Таким образом, дифференциация ответственности определяется степенью общественной угрозы для жителей «благополучной» территории. Следовательно, по конструкции состав преступления характеризуется как формальный. Субъект преступления – общий, так как ответственности может быть подвергнуто любое лицо, не оповестившее о своем прибытии карантинную стражу. Санкция статьи позволяет сделать вывод о повышенной степени общественной опасности, выражающейся в несоблюдении пребывающими на «благополучную» территорию установленных карантинных правил, что может в последующем являться следствием распространения массового инфекционного заболевания.

Отделение второе «О нарушениях постановлений против распространения повальных и прилипчивых болезней» содержало 10 статей. Ответственность по некоторым уголовно-наказуемым деликтам дифференцировалась в зависимости от места совершения противоправного деяния. Так, наиболее строгий вид наказания применялся к тем, кто совершил деяние «в столицах», менее строгому наказанию подвергались совершившие деяние в «прочих городах», и наименее строгое наказание было предусмотрено для совершивших деяние в селениях. Таким образом, в санкции статьей отражался признак объективной стороны преступления – места. Наиболее часто встречающимися наказаниями являются денежное взыскание и арест. Составы, предусмотренные вторым отделением, характеризуются как составы прикосновенности к преступлению в форме недоносительства или несообщения о преступном деянии, попустительство и

укрывательство. Законодателем в отдельную часть или статью выделялись составы служебного бездействия, субъектом которых признавались – врачи, служащие полиции, содержатели гостиниц, постоялых домов и тому подобных заведений, содержатели трактиров и харчевен, женщина, осознающая, «что имеет заразительную или иную вредную болезнь, скрыв ее или умолчав о ней», устроившаяся на работу кормилицей или няней.

По ч. 4 ст. 1029 Уложения, предусматривала ответственность в отношении специального субъекта – врача, который не известил органы власти о наличии в определенном доме опасного для населения заболевания.

Особо внимание следует обратить на ст. 1032 Уложения, в соответствии с которой привлекалось к ответственности лицо, осведомленное о том, «что он одержим заразительной или иной прилипчивой болезнью, с умыслом учинить что-либо долженствующее неминуемо сообщить сию болезнь другому» [4]. Наказывалось подобное деяние помещением виновного лица в смиренный дом на срок от 3 до 6 месяцев, возложением обязанности по возмещению понесенных зараженным на лечение и иные издержки, связанные с болезнью. Также законодателем были предусмотрены и квалифицированные составы преступления, включающие в себя последствия в виде неизлечимой болезни или смерти. В случае наступления таких последствий ответственность наступала по правилам ст. 1957 и 1959 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Таким образом, историко-правовой анализ криминализации нарушения санитарно-эпидемиологических правил в России позволяет сделать вывод о том, что здоровье и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения всегда являлось приоритетным направлением уголовно-правовой политики российского законодателя. Обращаясь к уголовному законодательству Российской Империи, можно увидеть прогрессивные для того времени нормы об охране санитарно-гигиенического и санитарно-эпидемиологического благополучия насе-

ления. Однако, законодательством царской России не в полной мере конкретизирован перечень заболеваний, распространение которых влечет уголовную ответственность. Использовались оценочные категории заболеваний, например, такие как

«прилипчивые» и «заразительные». А сам способ построения уголовно-правовых норм отличался казуистичностью, что свойственно законодательству того времени.

Библиографический список

1. Устав Благочиния или Полицейский Устав: подписан Екатериной II 08.04.1782. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_blagochiniya (дата обращения: 25.05.2024).

2. Проект «Уголовного Уложения». Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nlr.ru/eres/law_r/content.html (дата обращения: 26.05.2024).

3. Устав о карантинах от 01.01.1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VII. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php (дата обращения: 26.05.2024).

4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: утверждено императором Николаем I 15.08.1845. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003414449/ (дата обращения: 27.05.2024).

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CRIMINAL LAW NORMS ON VIOLATIONS OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL RULES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

E.A. Chudaeva, Graduate Student

Supervisor: A.V. Belyakov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Samara State University of Economics

(Russia, Samara)

Abstract. This article provides a historical and legal analysis of criminal legislation providing for liability for violation of sanitary and epidemiological rules and regulations. Examples of normative legal acts and specific articles containing signs of the crime in question in pre-revolutionary Russia are given.

Keywords: sanitary and epidemiological rules, criminal liability, pre-revolutionary legislation, historical and legal analysis.